

Сергей Тучков

Ј

История американского
Эдипа

Сергей Тучков

Ж

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17854001
ISBN 9785447458270*

Аннотация

Молодой и впечатлительный русский эмигрант открывает для себя современную Америку, едва не становится жертвой изощренного преступления, но, в итоге, помогает его раскрыть.

Ж

История

американского Эдипа

Сергей Тучков

Обитатели Кадмеи, посмотрите на Эдипа

*На того, кто был великим, кто ни зависти
сограждан,*

*Ни судьбы уж не боялся, ибо мыслью он
бесстрашной*

*Сокровеннейшие тайны Сфинкса древнего
постиг.*

*Посмотрите, как низвергнут он Судьбой!
Учитесь, люди,*

*И пока пределов жизни не достигнет без печали,
И пока свой день последний не увидит тот, кто
смертен, —*

*На земле не называйте вы счастливым никого.
Софокл. «Царь Эдип»*

© Сергей Тучков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Джереми никогда не нравилось его настоящее имя. Он считал его «лузерским» и просил окружающих называть его просто Джеем. Джей! Всего одна буква (J на английском),

а сколько в ней смысла!

– Джей. Просто Джей. Это как выстрел из Магнума сорок пятого калибра, – говорил он каждый раз, когда кто-то интересовался, как же его зовут на самом деле – Джонатан, Джеймс или Джастин.

Обычно после этой фразы Джей наставлял на собеседника указательный палец и несколько раз спускал воображаемый курок: – Джей! Джей! Джей! Потом сдувал с воображаемого же длинного ствола дым и добавлял: – Бьет наповал!

Джей считал этот трюк своей «коронкой». Впервые он использовал его еще в High school на выпускном. Тогда все вышло случайно. Выходя в коридор из шумного зала, битком набитого танцующими школьниками, он лоб в лоб столкнулся с девушкой. «Симпатичная... Кто-то из одноклассников пригласил. Везет же придуркам» – успел подумать Джей до того, как руки незнакомки сплелись на его шее, а ее язык оказался у него во рту.

– Привет, я Мэгги! – сказала девушка, оторвавшись от губ Джея. – А как зовут моего сегодняшнего ебаря?

Отупевший от такого напора, выпитого алкоголя и внезапной эрекции восемнадцатилетний девственник стоял как вкопанный.

– Ну? – огромный шар из жвачки лопнул перед его носом. – Че молчишь? Не нравлюсь что ли?

– Ээээ... Джей, – пролепетал он первую букву своего имени.

– О! Джей! Как круто! Это как выстрел из Магнума! – воскликнула на весь зал Мэгги и, притянув его за ремень вплотную к себе, прошептала: – У тебя есть презики, ковбой?

Так Джереми стал Джейм. За сорок пять лет, прожитых с той ночи, он довел трюк с Магнумом до совершенства. Джей использовал его везде – и на свиданиях, и на деловых переговорах. Ну а если собеседника нужно было сразить наповал, на столе перед ним появлялась визитка:

Так мы с ним и познакомились. Джей был соседом тетюшек моей жены – двух добрейших и очень веселых женщин, у которых я провел свои первые месяцы в Америке, и любил зайти на воскресный Borscht. Каждый раз, после первой же ложки, он на секунду картинно замирал, закрывал глаза и тихо, медленно и четко, почти по слогам, говорил заранее придуманную им шутку о борще. Что-то вроде «Это лучшая красная жидкость от Техаса до Джорджии!». Или

«Меня зовут Борщ. Джей Борщ». Шутка недели непременно вознаграждалась рюмочкой Stoli, после которой у Джея развязывался язык и он рассказывал историю из своей жизни. Обычно это было что-то легкое и веселое, вроде «Сказки о потерянной невинности». Все смеялись, аплодировали, и на этом Borscht-party считалась закрытой. Но однажды (это было примерно через месяц после нашего знакомства) Джей пропал. Никто из соседей не знал, где он. А когда, два борща спустя, он позвонил в дверь, вошел и сел за стол, привычный сценарий нарушился. То ли водки в тот раз было выпито больше, чем обычно, то ли Джей просто решил, что мы уже достаточно близко знакомы... В общем, после очередной выпитой рюмки он закрыл лицо руками и просидел так около минуты. Когда он, наконец, поднял голову, я увидел в его глазах слезы.

– Я хочу рассказать тебе то, что еще никому никогда не рассказывал. Настоящую историю моей жизни, – тихо сказал Джей.

Было настолько необычно и удивительно слышать подобное от американца, что я поначалу принял это за очередную шутливую домашнюю заготовку. Дело в том, что главный культ Америки – культ счастья. Не успеха, не денег даже, а именно счастья. Здесь всегда и у всех все ОК. Если разбудить бродягу на улице вопросом «Как дела?», с вероятностью, близкой к ста процентам, он ответит: «ОК!» Здесь есть даже поговорка «Чем хуже дела, тем шире улыбка!». Эта ши-

рокая улыбка и вечное ОК казались мне, как и большинству русских, лицемерными и отвратительными.

– Я знаю, я тебе отвратителен, – начал он свою историю. – Да мне и самому от себя иногда блевать хочется. У меня было все – любовь, семья, дети, большой красивый дом. Я все просрал. Дети уехали и не хотят меня знать, деньги потрачены, дом превратился в старую развалину. Как и я сам. Я старая развалина, да еще и мудак, каких поискать. Я понимаю это, но не могу ничего изменить. Я просто хочу рассказать тебе, почему я такой.

Джей быстро наполнил рюмку и выпил.

– Пойдем на улицу. Покурить хочется, – выдохнул он мне в лицо облако алкогольных паров из своего желудка.

Мы расположились в уютных плетеных креслах под навесом на заднем крыльце дома и закурили.

– Сколько мы не виделись? – спросил он после первой глубокой затяжки.

– Ровно две недели.

– А у вас в России водятся панцирники?

– Вряд ли. Климат не тот, – ответил я, представляя что-то вроде южноамериканского броненосца.

– Ну а ты вообще рыбачишь? Щуку ловил когда-нибудь?

Я гордо развел руки в стороны в любимом рыбацком жесте:

– Вот! Личный рекорд прошлым летом установил – пять с половиной кило. Двенадцать фунтов по-вашему.

– Неплохо, – усмехнулся он и, выдержав театральную паузу с пусканием колец из дыма, сделал контрольный в голову моему уязвленному самолюбию: – А я в двенадцать лет панцирника поймал на двадцатку с лишним.

– Да что за панцирник-то такой? – нервно спросил я, уже открыв Гугл в телефоне.

– Ну это как твоя шука, только в два раза больше, и башка не сплющена, как клюв утки, а вытянута, как пасть аллигатора, и сотни огромных зубов торчат наружу.

– Ага, вижу, – открыл я первую ссылку, – какая-то прям доисторическая тварь. Не знал, что такие до сих пор водятся.

– Да! Представляешь, – оживился Джей, – человек живет на Земле максимум 50 тысяч лет, а эта тварь – 50 миллионов! И я понимаю почему. Это просто воплощение ярости. Представь, что Майк Тайсон на пике карьеры решил уйти из бокса и заняться снорклингом, и вот плывет он такой, разглядывает через маску как колышутся на дне причудливые водоросли в пробившихся через толщу воды лучах закатного солнца, а тут ты со своей говняной удочкой – хуяк! И всаживаешь ему блесну за щеку! Вот что такое двадцатифунтовый панцирник, мой друг.

– Сколько, ты говоришь, тебе было, когда ты Тайсону за щеку засадил? – спросил я, сохраняя недоверчивый прищур, но уже не в силах сдержать улыбку от метафоры Джея.

– Двенадцать, – внезапно посерьезнел Джей, никак не отреагировав на мою шутку. В тот момент он смотрел на меня,

но взгляд его был направлен в обратную сторону – внутрь себя. Я почувствовал, что он вспомнил что-то важное, что мгновенно захватило его целиком. – А? Что? – встрепнулся он через пару секунд.

– Так ты вытащил его, Джей?

– Кого?

– Щитомордника или как его там... Рыбу-Тайсона?

– А! Панцирника? Ну да, – улыбнулся он, будто очнувшись от дурного сна. – Вытащил, но я хочу рассказать тебе совсем о другом. В тот день я повзрослел. Резко, в мгновение. Это было как озарение, как аксиома, как щелчок тумблера, понимаешь... Только что ты сосал титьку, за тебя все делали другие, а потом бац – и все! Ты сам принимаешь решения. Тогда я впервые подумал, что могу убить своего отца, а потом принял осознанное решение оставить его в живых. Пока. И как только я понял, что могу казнить и миловать по своему усмотрению, я повзрослел.

– Погоди, погоди, – удивился я. – Ты же не маньяк какой-то, чтобы просто так убивать людей. Тем более отца.

– Я расскажу тебе немного о нем, а ты уж сам реши, маньяк я или нет, и если нет, то кто тогда маньяк, окей?

Я кивнул.

– Мой отец меня не любил. Сколько я себя помню, я всегда это знал. Это что-то вроде инстинкта самосохранения. Наверное, это осталось в нас еще от пещерных людей, или вообще от зверей. Люди не ценят любовь, потому что не чув-

ствуют угрозы от тех, кто их любит. Зато злость, ненависть мы чувствуем кожей. Они несут опасность. Любовь мягко обволакивает, тихо шепчет, нежно ласкает, незаметно заботится. Счастливы те, кто видит ее с самого начала. Большинство же просто не замечает любви. Страх другой. Он не медлит. Ты чувствуешь его сразу. Сотни маленьких игл впиваются сзади под коленки, а одна большая – в самое сердце.

Джей достал из пачки новую сигарету, постучал фильтром о ручку кресла, чтобы утрамбовать табак и, увидев, что я наблюдаю за его манипуляциями, заметил:

– Так они становятся крепче и медленнее сгорают. Так о чем я?

– О страхе.

– А, ну да. У всех детей есть свой страх. Кто-то боится темноты, высоты, кто-то пауков или змей. Я боялся отца. Он всегда был строг со мной. Но это не была строгость ради воспитания, ради дисциплины. Это была холодная, безразличная и очень, очень эгоистичная строгость. Это была строгость натянутой цепи по отношению к собаке, или строгость айсберга, раздирающего борт «Титаника». Я долго надеялся, что отец на самом деле не злой, что это жизнь сделала его таким, и вся его холодность – лишь панцирь, защищающий от других, по-настоящему злых людей. Я знал, что после смерти моей матери ему пришлось нелегко: один, без помощи родителей, без денег и влиятельных друзей, с годовалым ребенком на руках, с утра до вечера, как робот

на конвейере, он вскрывал гнойники сентиментальным наркоманам, щупавшим медсестер за зад, ампутировал пальцы набожным автомеханикам, осенявшим крестным знамением своих культей каждого встречного в больничных коридорах, доставал пули из невезучих коллекторов и их клиентов, лежавших затем в одних палатах и вместе распевавших Синатру и баптистские гимны на весь этаж, в общем, делал ровно то, что полагалось делать хирургу небольшого госпиталя в черном районе на юге Атланты, где мы тогда жили. И делал бы он это до самой пенсии, если бы не Дорис.

– Что за Дорис?

– Мне было всего четыре, когда двадцатилетняя Дорис Шерман – моя будущая мачеха, упала с лошади в загородном клубе для миллионеров, а приглашенный туда же на свадьбу друзей тридцатитрехлетний хирург Лоуренс Айзексон в два счета вправил ей вывих. Перед смертью, будучи уже прикованной к постели, но еще оставаясь в здравом уме, Дорис очень любила вспоминать момент знакомства с отцом. «Понимаешь, Джей, – говорила она мне, – девушке трудно устоять, когда Марлон Брандо ощупывает ее бедра и спрашивает голосом Синатры, что она чувствует». На самом деле, – Джей усмехнулся – в свои лучшие годы отец дотягивал внешнестью, максимум, до Боба Хоупа (в не самый удачный период карьеры последнего). Что до его голоса, то это было нечто среднее между кряканьем Дональда Дака и звуком весеннего лягушачьего хора. Но если Боб Хоуп брал улыбкой, то

отец даже не пытался быть дружелюбным. Я смотрел на него и мечтал о машине времени. Мне хотелось щелкнуть тумблером и увидеть его ребенком, играющим во дворе родительского дома в Нью-Джерси в 30-м, рядовым с Томмиганом в руках, прыгающим из лодки под свист пуль на нормандский песок летом 44-го, наконец, молодым вдовцом, плачущим над гробом умершей через год после свадьбы жены. Я до сих пор так и не понял, что именно сделало его внутренним миром мрачнее его внешности – гены, детские комплексы, три месяца мясорубки на фронте или ранний уход моей матери и тяжелые годы, последовавшие за этим...

Несколько секунд, глядя в пол, Джей драматично водил указательным пальцем по краю пустой рюмки до тех пор, пока я не наполнил ее новой порцией «Столичной». По-американски, без тоста и не чокаясь, мы быстро выпили, и его взгляд заметно потеплел.

– Дорис была полной противоположностью отца – продолжил он. – Если говорить о внешности, то я бы, пожалуй, сравнил ее с Мэрилин Монро – та же лишенная острых углов фигура, пухлые, немного капризные губы, взгляд с поволокой и, конечно, грудь! О! Боги! Если б ты видел ее сиськи, Майк! Представь себе две бодрые дыньки среднего размера, почти всегда наполовину обнаженные, с торчащими сосками (она любила декольте и ненавидела лифчики) и загорелой ложбинкой между ними. Когда видишь такую женщину, ты просто замираешь и не можешь понять, чего хочешь больше –

сосать ее как младенец, или трахать как бык. Эээ, так о чем я?.. А! Ну да! У тебя, наверное, возник резонный вопрос, зачем роскошным сиськам с миллионами в банке выходить за задрота с сотней баксов в кармане?

Я закивал.

– Ну тогда наливай и слушай дальше. Они поженились через полгода после знакомства, и Брандо-Синатра с маленьким сыном переехал из тесной квартирки с проходящими за окном поездами в дом с колоннами и гуляющими по окружающему его поместью ручными оленями. Дорис была богата настолько, что могла позволить себе никому не объяснять причины очевидного мезальянса. Тем более что они лежали на поверхности. К сожалению для нее и к счастью для нас с отцом, сексапильная наследница миллионного состояния практически не имела шансов найти себе мужа среди отпрысков благородных семейств консервативного Юга. Во-первых, Дорис была бесплодной, во-вторых, хромой от рождения – ее левая нога получилась на пару сантиметров короче правой. Ну и, наконец, в-третьих, женитьба на Дорис неизбежно влекла за собой, как сейчас говорят, репутационные риски. Ее мать умерла при родах, а отец, богатый джорджийский промышленник и заядлый курильщик, скончался от рака легких, едва дочь окончила колледж. Когда тебе двадцать лет, на счету в банке – столько же миллионов, а вокруг – неизведанный мир, трудно удержаться от соблазнов и не пуститься во все тяжкие. Многочисленные, скоротеч-

ные, но очень бурные романы Дорис широко обсуждались в «приличных домах» Атланты, что напрочь лишило ее шансов найти себе партию среди юношей своего круга. С учетом всего вышеперечисленного, случайно подвернувшийся кавалер, пусть бедный и с обременением в виде малолетнего сына, но зато дипломированный врач, да еще и ветеран войны, оказался весьма кстати. К тому же вскоре, благодаря таланту и трудолюбию отца, помноженному на деньги и связи Дорис, его карьера пошла в гору, и было уже сложно сказать, кто в этом браке более успешен – жена, ни дня не работавшая по полученной ценею отцовских усилий, нервов и денег специальности и обязанная всем своим богатым предкам, или муж – знаменитый хирург, спасший сотни жизней простых смертных, пяти банкиров, пары сенаторов и даже одного кандидата в президенты США.

– Извини, что перебиваю, Джей, – разрушил я благостную картину, – но я не совсем понимаю, зачем сыну знаменитого хирурга, который ни в чем не нуждается, бегаёт по огромному поместью, кормит с руки оленей в тени цветущих магнолий и в принципе имеет все, что только может пожелать мальчик его возраста, убивать своего отца.

Джей завис в детских воспоминаниях. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы превратиться из счастливого ребенка в несчастного взрослого.

– Та-дам! – воскликнул он театрально, – а вот теперь настало время панцирника! Мне было 12. Все время я про-

водил с Дорис, отца почти не видел, поэтому, когда он велел мне к вечеру пятницы собраться на рыбалку, я не поверил своему счастью. У отца был целый арсенал снастей, спиннингов и всевозможных приспособлений для приманивания, выуживания, подтягивания и хрен знает чего еще. Все они были аккуратно разложены в многоэтажных коробках по классам, размерам, типам погоды и видам рыб – зимнее утро/летний вечер, маленький басс/большая щука и так далее до плюс бесконечности. Думаю, даже в операционной у отца порядка было меньше по той простой причине, что доступ туда был открыт не только ему, но и куче других людей – от ассистентов до уборщиков. Зато к ящикам со снастями прикасаться мог только один человек во вселенной – он сам, поэтому и выглядели они как витрины ювелирного. Не меньше половины блесен – а это около сотни – отец сделал сам. Обычно на выходные он запирался в гараже и что-то пилил, точил, гнул и шлифовал, а к вечеру воскресенья выходил оттуда со скрюченной проволокой в руке и взглядом напившегося крови вурдалака. Все ужины с понедельника по среду были посвящены обсуждению преимуществ №53 с вращающимся лепестком перед №52 с колеблющимся, а с четверга по субботу – особенностям еще не воплощенного в жизнь проекта №54, сочетающего в себе достоинства всех предыдущих и напрочь лишенного их недостатков. И знаешь в чем прикол? – оживился вдруг Джей.

– В чем?

– На рыбалку времени не было, – тут он впервые за все время нашего разговора хлопнул себя по коленям, запрокинул голову и искренне захохотал. – Поэтому, – продолжил он, вытирая слезы, – ровно в 5.30 утра, в субботу, 2 мая 1964 года у дверей гаража на Норсуэст Пичтри стрит, 1025, Атланта, Джорджия, по стойке смирно стоял двенадцатилетний Джереми Айзексон Джуниор, в костюме из плотной ткани защитного цвета, такого же цвета шляпе с накомарником, ботинках «как у Индианы Джонса», с висящим за плечами школьным рюкзаком, в который накануне вечером, когда Джереми уже спал, его заботливая мачеха Дорис вместо книг и ручек аккуратно уложила смену белья, дождевик и коробку с сэндвичами. Я ждал отца и думал только об одном: какой из его прекрасных спиннингов сегодня достанется мне? Дверь гаража резко открылась изнутри. «На вот!» – буркнул отец, протягивая мне старую бамбуковую удочку. – Ну, бери, чего надулся? Да, старая, зато крепкая! Новую заслужить еще надо».

– А где рыбачили? И что за приманки тогда использовали? – перебил я Джея, увлекшись рыболовной частью его рассказа.

– Ну палка у меня была бамбуковая, как ты уже знаешь, катушка – обычный инерционный барабан безо всяких подшипников, фрикционов и прочих приبلуд. Снасть – обычная толстая леска, а приманка – что-то вроде огромной мухи из беличьего меха, примотанного грубой ниткой к сталь-

ному тройнику со свинцовой головкой. Свинец давал необходимую для заброса тяжесть, а мех – плавучесть. А! Вот еще что! Важная деталь – армированный поводок. Приманку цепляли к леске только через него, иначе при первой же поклевке с блесной можно было попрощаться. Джорджия – это тебе не Мичиган какой-нибудь. Тут столько зубастой живности водится, особенно, на озере Ланье – одних бассов, минимум, пять видов, а еще щука, окунь, судак и, конечно, мечта любого спиннингиста – длиннорылый панцирник. Тот медную проволоку перекусить может, не то, что леску...

– Так вы на Ланье ездили? Это миль сорок на северо-восток от Атланты – знаю, знаю, – попытался я показать свою осведомленность.

– Да ничего ты не знаешь! – отрезал Джей. – Ланье тогда и сейчас – это как Хиросима до бомбежки и после. Бьюфордскую дамбу построили где-то в середине 50-х. К 64-му рыба уже успела расплодиться, а люди по берегам – еще нет. Не было ни пляжей, ни отелей, ни пробок из катеров в протоках. Мы взяли у местных обычную весельную лодку – вернее, отец взял, потому что я-то остался на берегу – и часов в 8 сделали первый заброс. Было уже довольно жарко, поэтому отец отплыл на четверть мили – туда, где в прохладной глубине скрывалась крупная рыба, а я остался у машины. Какое-то время я завистливо наблюдал за тем, как отец раскладывает в лодке свои многочисленные ящички, долго выбирает подходящую блесну, цепляет ее, забрасывает, как

лепесток блестит в полете, поворачиваясь к солнцу то серебристой, то золотистой стороной, а после того, как он, коснувшись воды, исчезал из вида, я представлял, как он играет в глубине и за ним, словно крысы за волшебной дудочкой, стаей идут голодные басы.

– Да ты настоящий поэт, – заметил я уже без капли иронии.

– А рыбалка и есть поэзия, – не менее серьезно ответил мне Джей. – Хочешь, докажу?

– Валяй!

– Там, как в любом искусстве – три этапа. Первый – рождение надежды, когда ты долго готовишься, с вечера, а то и несколько дней, мечтаешь о трофее, подбираешь под него снасти, ложишься спать с желанием поскорее проснуться, и снится тебе в эту ночь именно та рыба, о которой ты мечтал, только в два раза больше и в сто раз красивее. Утром ты как зомби – все на ходу и на автомате – глотаешь кофе и сэндвич и прыгаешь в машину, а оказавшись на берегу, судорожно разматываешь снасть и бросаешь – раз, другой, третий...

– А она все не клюет...

– Да, да! – живо подхватил Джей. – Ты начинаешь злиться, хаотично менять приманки, а поклевки все нет. И наступает второй этап – разочарование. Тут главное – отвлечься, не важно, как. На кого-то нападает жор, кто-то скручивает косячок, большинство же просто бросает удочку и глу-

шит досаду алкоголем. И вот, когда после третьей рюмки или четвертого сэндвича ты лежишь у костра, уже махнув рукой на свои мечты, когда уже прозвучали сигнальные фразы про то, что атмосферное давление резко изменилось, местные всю рыбу сетями вычерпали и вообще, лучше было не переться в такую даль в такую рань, а спать до обеда в законный выходной, – вот именно в этот момент, и ни минутой раньше или позже, наступает оно – то, что роднит поэта, художника и рыбака. Робкое и одновременно смелое до жути, противоречивое и такое очевидное, подкравшееся откуда-то из самых мрачных глубин твоего подсознания, мать его, озарение!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.